

Пролог

Ночь выдалась темная и душная — ни намека на ветерок. И ничто не колыхало листья величественных финиковых пальм. Небо усыпали яркие, как бриллианты, звезды, и вокруг установилась абсолютная тишина — словно само мироздание притихло в ожидании чуда. А на окраине Пальмиры, большого города-оазиса, стоял на отшибе дом знаменитого вождя воинов бедави*, Забаая бен-Селима, и в том доме мучилась в родах женщина, пытавшаяся произвести на свет ребенка. Ее стройное белое тело, покрывшееся потом, то и дело напрягалось в родовых муках, но она терпела боль стоически, не издавала ни звука, ибо считала стоны и крики слабостью характера — ведь она покорила Забаая отнюдь не слабостью.

В полузабытьи она вспоминала день, когда впервые встретила его. Он тогда по каким-то делам приехал в дом ее отца в Александрии и по ошибке зашел в сад на женской половине. Их взгляды встретились, и ее прелестные серо-голубые глаза широко распахнулись под пылким взором его черных глаз. Ее чарующие розовые

* Бедави — кочевое племя. — *Здесь и далее примеч. пер.*

губки чуть приоткрылись, а юные груди, вздымавшиеся от нахлынувших эмоций, каких она никогда раньше не испытывала, возбудили его страсть. Они тогда не обменялись ни единым словом. Он даже не спросил, как ее зовут, — просто нашел выход из сада, отыскал ее отца и попросил ее руки. Это было большой дерзостью с его стороны, ведь ее отец являлся не просто одним из богатейших людей Александрии, но еще и прямым потомком Клеопатры — последней великой царицы Египта.

По римскому обыкновению Симон Тит предоставил дочери свободу выбора. «Чего ты хочешь?» — спросил он. Она хотела Забаая бен-Селима, этого человека из пустыни с пронзительными черными глазами — мужчину с ястребиным взглядом, пленившего ее в один миг — и навсегда. И какое ей было дело до того, что он на двадцать два года старше, что у него уже имелась одна законная жена, а также несколько наложниц. И пусть даже ребенок, которого она ему подарит, займет второстепенное положение по линии наследования. Значение имела только ее любовь к этому мужчине, и потому Симон Тит, пусть неохотно, дал свое согласие.

Они поженились через месяц, и ей пришлось покинуть роскошный отцовский дом в Александрии и начать новую жизнь, где приходилось полгода кочевать по сирийским пустыням, а еще полгода жить в прекрасном городе Пальмире; таков был обычай бедави — проводить знойное лето в чудесной Пальмире.

Внезапно ужасная боль — гораздо более сильная, чем все, что было до этого, — пронзила все ее тело, и Ирис до боли прикусила губу. «Скоро все закончится, и дитя наконец родится», — сказала она себе.

— Тужься, Ирис, тужься... — говорила ей Тамар, старшая жена Забаая.

— Айййййййй! — хором закричали остальные женщины, заметив младенца, показавшегося между

6 ног роженицы.

— Я и тужусь... — пробурчала в ответ Ирис.

— А ты давай сильнее!.. — не давала ей снисхождения Тамар. — Ребенок вышел только наполовину. Ирис, ты должна еще постараться!

Стиснув зубы, Ирис отчаянно потужилась — и вдруг почувствовала, как что-то мокрое и теплое выскользывает из нее, опустошая. И боль чудесным образом начала утихать.

Тамар тотчас подхватила ребенка, подняла вверх и объявила:

— Это девочка! — Она протянула младенца другой женщине, а затем снова толкнула Ирис на родильное ложе. — Ты должна немного отдохнуть, и только потом все закончится.

— Но я хочу увидеть свою дочь! — воскликнула Ирис.

— Пусть Ребекка сначала смоет с нее родильную кровь. Ох, ты всегда слишком нетерпелива, — проворчала Тамар, при этом прекрасно понимавшая, что чувствовала мать в подобных ситуациях.

Спустя несколько минут Ирис протерли губкой, смоченной в прохладной розовой воде, и одели в просторную белую рубашку, а новорожденную девочку, которая громко закричала, появившись на свет, аккуратно запеленали и передали в руки матери.

Тамар взглянула на остальных женщин и приказала:

— Позовите господина Забаая! — Как старшей жене, ей все повиновались, и все относились к ней с уважением. Ведь именно ее сыну Акбару предстояло однажды стать во главе племени.

Внимательно посмотрев на Ирис, Тамар подумала: «Нет ничего удивительного в том, что Забаай ее любил. Она прекрасна со своей молочно-белой кожей, пепельными волосами и серо-голубыми глазами. Совсем не такая, как все мы...» И ведь эту женщину Забаай не просто любил — он с ней еще и разговаривал!

Минуту спустя Забаай вошел в комнату. Это был мужчина среднего роста и крепкого сложения, с сияющими темными глазами, с темной бородой и волосами, совершенно не тронутыми сединой, несмотря на сорок три прожитых им зимы. Его красивое лицо было словно высечено искусным скульптором — высокие скулы, ястребиный нос и крупные чувственные губы. Когда он вошел, все женщины, кроме Тамар и Ирис, опустились на колени. А он взглянул на двух своих жен, и взгляд его черных глаз смягчился; он любил их обеих — любил Тамар, женщину своей юности, и любил Ирис, утешение в старости. Остальные женщины давали ему разнообразие и случайное удовольствие, но лишь этих двух он ценил по-настоящему.

— Боги благословили тебя дочерью, мой господин, — сказала Тамар.

— Дочерью? — Забаай, казалось, удивился.

— Да, мой господин, дочерью.

Стоявшие на коленях женщины искоса поглядывали друг на друга — в своей зависти они с трудом скрывали злорадное ликование. У всех у них имелись сыновья, а лучшее, что смогла произвести на свет эта александрийская сучка, — это обычная девчонка. Они ожидали праведного гнева своего господина и надеялись, что он откажется от этой девки и прикажет выгнать ее вон, но вместо этого лицо их господина расплылось в улыбке, он радостно засмеялся и воскликнул:

— Ирис, о, Ирис! Ты опять поступила неожиданно и подарила мне то, чего до сих пор у меня не было! Ты подарила мне дочь! Благодарю тебя, моя прекрасная жена, благодарю!

Стоявшие на коленях женщины пришли в ужас. Хвалить роженицу за дочь?.. Ведь все мужчины хотят сыновей — и чем больше, тем лучше. Как же так? Да и Забаай

прежде хотел только мальчиков — он очень гордился своими тридцатью пятью сыновьями и даже

помнил все их имена и возраст. Но самые проникательные из женщин поняли: великая любовь, которую их господин испытывал к Ирис, заранее простила ей все недостатки. А Ирис засмеялась, и ее негромкий смех был полон озорного ликования:

— Разве я когда-нибудь делала то, чего от меня ожидают, господин мой?

Черные глаза Забаая смеялись ей в ответ. Он бросил взгляд на остальных женщин и коротко приказал:

— Оставьте нас.

— Только пусть Тамар останется, мой господин, — сказала Ирис; она не хотела обижать Тамар, которая всегда была к ней очень добра (не забывала она и о том, что если Забаай умрет, то ее судьбу и судьбу ее дочери будет решать Акбар, старший сын Тамар).

Забаай наклонился и посмотрел на свою новорожденную дочь. Он привык к крупным младенцам, к мальчикам, и теперь испытывал даже некоторое благоговение перед зачатой им хрупкой девочкой. Малышка спала, и ее длинные темные ресницы слегка трепетали на бледно-золотистой коже, а темные волосики торчали хохлом на красиво очерченной голове. И, странное дело, она хоть и спала, но ее крохотные ручки двигались с трепетной неутомимостью, тонкие пальчики заворачивали отца своими почти прозрачными миниатюрными ноготками. Забаай смотрел на нее с некоторой настороженностью — зная, как обращаться с сыновьями, он не совсем понимал, что нужно делать с дочерью, хотя это дитя (единственное из всех его детей) родилось от великой любви, которую он испытывал к матери новорожденной.

Немного подумав, Забаай откашлялся и изрек:

— Она... такая маленькая.

Ирис и Тамар весело засмеялись, и старшая жена пояснила:

— Девочки обычно всегда меньше при рождении, мой господин.

Вождь снова откашлялся. Он почувствовал себя немного глупо, но, с другой стороны... ведь это его первая дочь.

— А где же астролог? — вспомнил он вдруг.

— Я здесь, мой господин, — послышался скрипучий голос.

И в тот же миг из темного угла комнаты вышел сгорбленный старик с острым взглядом и длинной белоснежной бородой; одет он был в темную широкую мантию, расшитую серебряными звездами и полумесяцами. Старик низко поклонился своему господину, а тот спросил:

— Ты отметил точный миг рождения этого ребенка на небесах, чародей?

— Конечно, господин мой Забаай. В тот миг, когда твоя дочь выскользнула из лона своей матери, небесные тела Венера и Марс соединились. Никогда еще мне не доводилось видеть столь благоприятные знаки: они предвещают ей великие деяния.

— И что же это за великие деяния?

— Полностью составленная карта неба все нам откроет, мой господин, но я уже сейчас могу сказать следующее... Ваша дочь, повелитель, будет успешна как в любви, так и в войне, поскольку я вижу, что она уже и сейчас возлюблена Небесами.

Забаай с удовлетворением кивнул. Этот предсказатель являлся самым уважаемым астрологом Востока — он был известен большой точностью своих предсказаний, а также честностью.

Когда старик, попятившись, вышел из комнаты, Забаай с нежностью посмотрел на свою юную жену и проговорил:

— Как мне вознаградить тебя, любовь моя, за это чудесное дитя?

— Позволь мне самой дать ей имя, господин мой, — ответила Ирис.

— Да, хорошо, — с улыбкой кивнул вождь. В этот момент он невольно подумал о том, что другая женщина потребовала бы от него драгоценностей.

— И как же ты ее назовешь? — спросила Тамар.

— Зенобия, — тотчас последовал ответ. — Это та, жизнь которой подарил Юпитер.

— Зенобия?.. — в задумчивости пробормотал Забаай. — Что ж, хорошее имя.

— А теперь, дорогая, ты должна отдохнуть, — сказала Тамар, забирая ребенка у матери. — Пусть Баб присмотрит за Зенобией, пока ты спишь.

Ирис утвердительно кивнула. Теперь, когда возбуждение от родов улеглось, она почувствовала слабость и усталость — ужасно клонило в сон. Тут Забаай встал и наклонился, чтобы поцеловать свою юную жену, а затем вместе с Тамар вышел из комнаты.

Оставшись одна, Ирис вздохнула и осторожно потянулась, пытаясь найти более удобную позу. До чего же ее дитя прекрасно! Завтра она прикажет принести в жертву ягненка в храме Юпитера, чтобы поблагодарить за свою дочь. Потом Ирис задумалась о предсказании астролога, которое не совсем поняла. Хотя... какое, в сущности, все это может иметь значение, если Зенобия уже получила Небесное благословение и защиту?

— Пусть боги будут благосклонны к тебе всю твою жизнь, дочь моя, — пробормотала Ирис, уже засыпая.

Часть I ДЕВОЧКА

Глава 1

—С днем рождения, Зенобия!

Зенобия бат-Забаай, которой уже исполнилось шесть лет, радостно улыбнулась своим близким. Она была прелестным ребенком — довольно высокая для своих лет и с длинными темными волосами, которые мать ради такого случая уложила локонами. А ее сияющие серебристо-серые глаза все время радостно смеялись. Одета же девочка была в просторную белую тунику, подвязанную светло-голубой шелковой лентой, прекрасно оттенявшей ее светло-золотистую кожу.

Забаай бен-Селим подхватил свою единственную дочь на руки и, нежно поцеловав, спросил:

— Разве ты не хочешь посмотреть на свои подарки, моя драгоценная?

Зенобия хихикнула и взглянула на обожаемого отца с озорной улыбкой.

— Конечно, хочу, папа. Но мама сказала, что я не должна проявлять подобного рода любопытство.

12 Забаай бен-Селим громко расхохотался и взревел:

— Эй, Али! Давай сюда подарок для моей дочери!

И тотчас же во внутренний дворик вошел раб, который вел в поводу изящную темно-серую кобылку в уздечке из красной кожи, украшенной позвякивавшими бронзовыми колокольчиками.

Зенобия от удивления и восторга на несколько мгновений лишилась дара речи. Больше всего на свете она хотела иметь собственную лошадь и все последние полгода постоянно намекала отцу на это обстоятельство.

— О, папа... — прошептала она наконец. — О, какая радость...

— Так она тебе нравится? — с ласковой улыбкой осведомился Забаай бен-Селим.

— О да, конечно! Да-да, нравится! — в восторге закричала девочка.

— Забаай, а мне ты ничего не сказал. — Ирис с тревогой посмотрела на мужа. — Лошадь?.. Но девочка еще слишком мала для этого.

— Не волнуйся, любовь моя. Клянусь, эту кобылу вырастили очень послушной.

Тамар положила руку на плечо Ирис и негромко сказала:

— Не стоит слишком уж оберегать ее: этим ты не окажешь ей услугу. Женщин-бедави воспитывают независимыми.

— Я хочу прокатиться на ней прямо сейчас! — заявила Зенобия, и Забаай тотчас усадил дочь в седло. А та, взглянув на брата и отцовского наследника, закричала: — Эй, Акбар! Я тебя обгоню!

Молодой человек рассмеялся и проговорил:

— Но я для начала должен привести свою лошадь...

— Ну так поторопись! — со смехом воскликнула малышка.

В тот год, когда ей исполнилось одиннадцать, Зенобия решила, что не отправится с семьей в зимнюю кочевку по пустыне — Пальмира внезапно стала

для нее весьма притягательным местом. О, как же она любила этот чудесный город с его красивыми, украшенными колоннами улицами, великими храмами, а также широкими аллеями, вымощенными мрамором. И еще тут были чудесные лавки и базары, каждый из которых обладал своим собственным неповторимым запахом. Запахи дубящихся кож... Запахи всевозможных духов... Запахи влажной шерсти, которую подготавливают для прядения и крашения... И, конечно же, специй, и всяких экзотических блюд! Ах, она просто не могла расстаться со всем этим!

С упрямой решимостью девочка спряталась, когда никто не смотрел в ее сторону, и теперь радостно поздравляла себя, уверенная в том, что ее не найдут.

— Зенобия! — эхом прокатился по дому резкий голос Тамар. — Зе-но-би-ия! Где ты, дитя? Ну хватит! Ты же не можешь прятаться от нас вечно! Пора в путь!

— Зенобия, ты ведешь себя глупо, — раздраженно проговорила Ирис. — Сейчас же выходи к нам!

Скорчившись под огромной кроватью в отцовской спальне, Зенобия тихонько посмеивалась. В этом году она не собирается проводить зиму в проклятой пустыне. Одним богам известно, как она ее ненавидела! Мили, мили и мили бесконечного песка! И долгие скучные дни, полные синего неба, безоблачного и сонного. Плюс проклятые козы! И это в то время как ее лучшая подруга Юлия Тулио на весь восхитительный зимний сезон останется в Пальмире. И Юлия будет ходить в театр и на игры! А ей, Зенобии бат-Забаай, придется провести всю зиму среди тупых вонючих коз? О, какой стыд! Да, конечно, бедави измеряли богатство человека по количеству скота, а значит, ее, Зенобии, отец был человеком исключительно богатым. Но до чего же ненавистно всю зиму гоняться за этими глупыми козами!

Лишь ночи в пустыне были интересными. Ей нравилось, когда небо темнело и заполнялось ясными,

как хрусталь, звездами, причем иные были настолько яркими и большими, что, казалось, к ним можно прикоснуться. Отец научил ее читать звезды, и она знала, что, куда видит их, всегда сможет вернуться в Пальмиру хоть из самого Гадеса, царства мертвых.

— Ха, Зенобия! Вот ты где! — Тамар протянула руку и вытащила девочку из-под кровати.

— Нет! — яростно завопила Зенобия, вырываясь. — Я не поеду! Я ненавижу пустыню!

— Не будь дурочкой, — со вздохом отозвалась Тамар. — Ты бедави, а пустыня — наша жизнь. Идем же, Зенобия. Будь хорошей девочкой.

Но девчонка внезапно вырвалась из объятий Тамар и, сверкнув на удивление взрослыми глазами, прокричала:

— Я бедави только наполовину, но даже эта половина терпеть не может пустыню!

Тамар не выдержала и рассмеялась. Зенобия говорила правду, и нельзя было строго ее судить. К тому же девочка еще так юна, а город полон соблазнов... Тут к ним подошла Ирис, и Зенобия бросилась к своей очаровательной матери.

— Я не хочу ехать, мама! Почему мы не можем остаться здесь? Только мы вдвоем! Папа не будет против. Как раз начинается театральный сезон, и Юлия говорит, что этой зимой здесь будет выступать чудесная труппа танцоров и актеров из Рима.

— Наше место рядом с твоим отцом, Зенобия, — тихо ответила Ирис, которая никогда не повышала голос.

Впрочем, никому никогда даже в голову не приходило спорить с ней. Ирис с улыбкой погладила своего единственного ребенка по гладким темным волосам. Какой же красавицей растет эта девочка!

— Так мне можно остаться с Юлией? Ее мама не возражает. Как будто без меня некому пасти коз, — со вздохом добавила Зенобия.